

Кажарова Инна Анатольевна

ПРИЕМЫ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ГЕРОЯ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ А. КУМЫШЕВА

В статье выявляются приемы персонализации героя сборника юмористических рассказов адыгского писателя А. Кумышева "До лучших встреч!". Среди приемов, обуславливающих константность героя, наиболее значимыми выступают его речевые особенности; закреплённость за ним имени, фигурирующего в ряде рассказов; создающий комический контраст образ спутницы жизни; особенности пространства, выступающего наиболее типичным местом действия героя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 20-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.35.0

В статье выявляются приемы персонализации героя сборника юмористических рассказов адыгского писателя А. Кумышева «До лучших встреч!». Среди приемов, обуславливающих константность героя, наиболее значимыми выступают его речевые особенности; закреплённость за ним имени, фигурирующего в ряде рассказов; создающий комический контраст образ спутницы жизни; особенности пространства, выступающего наиболее типичным местом действия героя.

Ключевые слова и фразы: герой-рассказчик; лексика; образ; имя; контраст; пространство.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
barsello@rambler.ru

ПРИЕМЫ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ГЕРОЯ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ А. КУМЫШЕВА

Творчество Абдула Амербиевича Кумышева, автора сборника юмористических и сатирических рассказов «До лучших встреч!» (1997), до настоящего времени не являлось предметом исследовательского интереса. Короткие юмористические зарисовки Кумышева публиковались в основном на страницах республиканской и районной периодики – в газетах «Советская молодежь», «Адыгское слово», «Баксанский вестник», в журнале «Ошхамахо». Некоторые из них позднее составили его единственный сборник.

Культурно-исторический период, отразившийся в большинстве его произведений, распознается без особого труда. Так, мотив рыночной торговли, устойчивый для ряда рассказов, периодически вкрапливающаяся лексика типа «самофинансирование», «хозрасчет», «суверенитет» и проч. погружают читателя в непростую эпоху реформ конца 1980 – начала 1990-х гг. Атрибуты проблематичного времени предстают в юмористическом преломлении, пропущенные через своеобразную саморефлексию героя-рассказчика. Интересно, что при этом нет особой сосредоточенности на проблемах социальных, хотя, казалось бы, характер эпохи к этому всячески располагал. В творчестве Кумышева преобладает, скорее, сосредоточенность на людских типажах. Но без назидательности и без морализаторства. И от такого ракурса «исследования» реальности он отступает крайне редко. В данной статье будут выявлены способы персонализации героя, фигурирующего в большинстве рассказов А. Кумышева.

Читая рассказы, вошедшие в сборник «До лучших встреч!», нетрудно заметить, что простодушный и незадачливый герой Кумышева, как правило, раскрывается от первого лица и не ставит себя вне осмеиваемого явления. Его глазами мы видим реальность и вместе с ним проживаем те нелепые ситуации, на которые та оканчивается очень щедро. В юморе А. Кумышева нет и тени надменно-оценивающей важности. Нет иронии как черты злорадного превосходства. Зато есть самоирония. Герой-рассказчик при этом всегда один и тот же. Его константность подчеркивается тем, что он практически везде предстает под одним и тем же именем – Кабац. Простодушный и непрактичный, со своеобразной речью, в которой адыгская бытовая лексика активно смешивается с «адаптированными» русизмами. Для учителя-словесника А. Кумышева в этом, конечно же, скрывался стилистический прием, имевший определенную смысловую подоплеку. Макароническая речь героя-рассказчика не просто создает комический эффект (в этом плане она порой бывает даже избыточна), но также удачно пародирует дух культурного разброда и шатания. Герой прекрасно осознает особенности своей речи и даже заявляет об этом в одном из эпизодов рассказа «Рано или поздно встретимся здесь!»: «НобэКІэ дунейм сехыжами, фысшыгъупщакъым, аращ мы письмор ныщІэстхри. Абы сыкъыффІэмІуэхуу щытамы, иджы фыкъыздэдауэ. Письмоти сытти жиІэу, мыбы сыту зигъэурысыбзэрэ, къысхужывмыІэ, кхьыІэ. Сесащи, мыбыи къыщысфІыхохуэ» («*Мыдэ мыбы дыщызэхуэзэжынкэ!*») [1, с. 12] / Хотя и покинул я земной мир, о вас не позабыл, потому и пишу это письмо. Хотя и не считались вы там со мной, теперь уж меня послушайте. Письмо там и все такое, не упрекайте меня в козырянии русскими словами, пожалуйста. Так привык, что и здесь, нет-нет, да и верну («*Рано или поздно встретимся здесь!*»). (Здесь и далее все переводы наши. – И. К.)

Причем оговаривается не просто нераздельность героя и макаронической речи, но и широкий «ареал» распространения этого явления. Настолько широкий, что обнаруживается и на том свете: «*Между прочэм, си закъуэкъым апхуэдэр. Мыбы дыкъыщыкІуам япэ дыдэу дызэхэзыдза Сэро къуэдзэм и бзэри ныкъуэщ.*

– Мыр мыбыКІэ, *этого – сюда*, а с этим иджыри зэ *надо разобраться делать* – апхуэдэхэщ» [Там же] / *Между прочим*, не я один такой. Когда мы только прибыли сюда, изначально распределявший нас заместитель Саро тоже изъяснялся на смешанном языке.

– Этого в эту сторону, *этого – сюда*, а с этим еще разок *надо разобраться делать* – вот так вот («*Рано или поздно встретимся здесь!*»). (Курсивом выделены русскоязычные слова, фигурирующие в тексте оригинала. – И. К.)

Надо заметить, что голоса персонажей, о которых герой-рассказчик спешит поведать, и голос его самого стилистически не разграничены. Принадлежность к одной языковой стихии закономерно проступает и через так называемые рамочные компоненты произведений. Большинство заглавий принадлежит стилю разговорной речи, где допустимы просторечные обороты наподобие «ЕІ, мыгъуэ...» («*Эх, незадача...*»), «*Теи мэхуэ, фІыи мэхъуж*» («*Бывает так, бывает и эдак*») или реплики вроде «*Мыдэ мыбы дыщызэхуэзэжынкэ!*»

(«Рано или поздно встретимся здесь!»). Герой-рассказчик осознает себя «целиком внутри изображенной реальности» [3, с. 308] и словно диалогизирует с подобными себе собеседниками, речь которых также изобилует словечками наподобие «вэщце», «сирознэ» и т.д.

Почти во всех рассказах рядом с героем маячит силуэт верной спутницы его жизни – грозной Таташхо, которой он волей-неволей подчиняется и опасается не брать в расчет ее мнение. «Говорящее» имя данного персонажа, безусловно, играет свою роль. «ТатIэшхуэ» можно толковать как «дородная, тучная». Авторитарная Таташхо весьма и весьма далека от опозитизированного адыгской культурой идеала женщины. То появляется, гремя ведрами, и требует от супруга сбрить его нелепо выглядящие усы; то, рассердившись на него по поводу раздобытой им муки не лучшего качества, вынуждает его проглотить просевший каравай. Высказываясь она не часто, кратко и по существу, гораздо чаще мечет взглядом молнии. Ее импозантность комически контрастирует с вечно заискивающим перед ней Кабацем (в оригинальном звучании имя «КIэбац» ассоциируется с определением «пышнохвостый»). Новое время перетасовывает роли в семейных парах, все чаще доверяя бразды правления женщине, и об этом мимоходом упоминается почти в каждом рассказе: «...иукъуэдиямэ зэфIэкаш. Уи насыпмэ, фIы иукъуэдиинш. Армырами, жиIам утригъэхуэнуш» («Къэзыльэфри зыльэфыжри...») [1, с. 41] / ...если на чем настаивает, то категорически. Твое счастье, если еще настаивает на чем-то положительном. Но и в противном случае вынудит тебя сделать так, как сказано ею («Кто нашел, кто потерял...»).

Персонализации героя, помимо речевых особенностей и семейной «истории», содействуют попутные упоминания рода его деятельности и любимого увлечения. «По профессии я учитель» – замечает он в рассказе «Усы» и, особо не прибегая к приемам усиления комизма, описывает курьезы учительских будней в миниатюрах «Случалось ли тебе сталкиваться с подобным?» и «Если скажешь, не подумав...» («Уэ урихъэлIакъэ мыпхуэдэ Iуэху?», «Умыгупсысэу упсалъэмэ...»). А в рассказах «До лучших встреч!» и «Рано или поздно встретимся здесь!» обнаруживается его склонность к писательству.

Чаще всего герой Кумышева оказывается на базаре. Учитывая то, что в большинстве рассказов отражается эпоха утверждения рыночных отношений, образ базара можно определить как наиболее емкое воплощение культурно-исторической среды. В адыгском языке не используется слово «рынок», есть только «базар», но это обстоятельство не дает, однако, возможности уйти от таких реалий времени, как рыночные отношения, рыночная демократия и проч. Напротив, пространство и нравы рынка воспринимаются как квинтэссенция моральных отношений современного писателю общества.

Словарь С. Ожегова доводит до нашего сведения два толкования, раскрывающие две ипостаси рынка: «1. Сфера товарного обращения, товарооборота; 2. Место розничной торговли под открытым небом или в торговых рядах» [2, с. 688]. Как «сфера товарного обращения» рынок неуклюже вторгается в быт селения Узко-длинный Овраг («КъуэзэвкIыхъ»): «Ар рынкэ къудейкъым, къыбгурыIуэмэ, регу... регу... регу... регулимэ рынкэщ» («Хэт зригъэкIужыфын ТатIэшхуэрэ КIэбацрэ?») [1, с. 29] / Это не просто рынок, если хочешь знать, регу... регу... регу... регулиримый рынок!» («Кто сумеет помирить Таташхо и Кабаца?»). Выразительны пространственные характеристики, отраженные в названии селения, в котором проживает герой, – Узко-длинный Овраг. Оно заужено и предельно заземлено. Зато рынок как «место розничной торговли под открытым небом» обретает статус жизненно важного пространства, в котором непрерывно ведется непримиримая борьба за собственное благополучие, совершенствуются принципы естественного отбора. В предлагаемых временем обстоятельствах востребованными оказываются хитрость и сноровка. И простодушный герой вынужден их в себе культивировать. Так, в рассказе «Кто нашел, кто потерял...» («Къэзыльэфри зыльэфыжри...») он хитростью сбывает на рынке некачественную муку, затем удачно, как ему кажется, приобретает для себя другую. На самом же деле натывается на подобного себе дельца и за более высокую стоимость перекупает свой же товар. Похожая ситуация повторяется и в рассказе «Познакомились» («ЗэрыцIыхуац»). И всякий раз суровая правда жизни сводит на нет предпринимательский талант героя. Но раскрывая недостатки и странности своих персонажей, А. Кумышев не осуждает их своим вышучиванием. Смех как «неотъемлемое звено доброжелательного отношения» [4, с. 49] в его творчестве значительно преобладает над смехом, являющим форму «неприятия и осуждения людьми того, что их окружает» [Там же]. Здесь юмор явно преобладает над сатирой. Причины тех нелепых ситуаций, которые он воссоздает, – человеческое стремление любой ценой вписаться в предлагаемые временем условия, завышенная самооценка, а порой и невежество. Но он любит своего героя и всех окружающих его персонажей, ибо прекрасно понимает, что данный тип людей, незадачливых, полубразованных, жадно хватающих новые веяния времени и преломляющих их в своем мировоззренческом ключе, всегда был, есть и будет.

Приемами персонализации героя в рассказах Абдула Кумышева выступают стилистические особенности речи; закреплённость за ним одного и того же комически окрашенного имени собственного; комическая контрастность, создаваемая образом его спутницы жизни; семантика пространства, являющегося наиболее характерным местом его действия.

Список литературы

1. Кумыш А. НэхъыфIыжкIэ дызэхуэ! (Кумышев А. До лучших встреч!). Нальчик: Эльбрус, 1997. 64 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990. 917 с.
3. Тмарченко Н. Д. Акт рассказывания: повествователь, рассказчик, образ автора // Чернец Л. В., Хализев В. Е., Эсалнек А. Я. и др. Введение в литературоведение: учебное пособие / ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. С. 300-310.
4. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 240 с.

THE PERSONALIZATION WAYS OF A HUMOROUS STORIES CHARACTER BY A. KUMYSHEV

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute for Humanities Researches
barsello@rambler.ru

The article reveals the personalization ways of a character from the collection of humorous stories by the Adyghe writer A. Kumyshev "Until better times!" Among techniques, conditioning the constancy of the character, the most important are his speech peculiarities; fixedness of the name, appearing in a number of stories; the image of a life partner, creating a comic contrast; peculiarities of space, acting as the most typical scene for the hero.

Key words and phrases: character-narrator; vocabulary; image; name; contrast; space.

УДК 821.161.1

В статье анализируется концепция творчества М. Ю. Лермонтова, нашедшая воплощение в статье В. Иванова «Байронизм как событие в жизни русского духа» (1916). Смысл концепции раскрывается в контексте идей, высказанных в религиозно-философских работах мыслителя периода Первой мировой войны: антропологический кризис, отсутствие философской теории личности, угроза личности со стороны ложных форм коллективности, особенности культурного взаимодействия с такими европейскими странами, как Германия, Англия.

Ключевые слова и фразы: творчество М. Ю. Лермонтова; творчество В. Иванова; религиозно-философская критика; личность; антропология; христианский гуманизм; персонализм.

Мартьянова Светлана Алексеевна, к. филол. н., доцент
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
martyanova62@list.ru

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ИСТОЛКОВАНИИ В. И. ИВАНОВА

Михаил Юрьевич Лермонтов продолжает оставаться загадкой русской литературы и культуры. Причиной тому служат идеологические и общекультурные стереотипы. Особенно много вопросов возникает, когда мы пытаемся осмыслить творчество Лермонтова с религиозной точки зрения. Поэта нередко отождествляют с его демоническими и своевольными героями, упрекают в гордыне и эгоизме, эстетизации зла. Лермонтова чаще осуждают, чем понимают, чаще обвиняют, чем оправдывают и пытаются понять.

В. М. Маркович в емком и содержательно насыщенном обзоре литературно-критических оценок объяснил стереотипные подходы использованием оппозиции «реакционное – прогрессивное». Односторонность подходов к исследованию творчества Лермонтова вызвана, по мнению литературоведа, отсутствием персоналистической методологии в русской литературной критике: «Народничество и “почвенничество”, “западничество” и официальная “державность”, христианская “соборность” и “мистический пантеизм”, “эстетический гуманизм” и антропологизм просветительского толка, философия “общего дела” и концепция “Всеединства” при всех своих различиях сходились в несовместимости с индивидуализмом лермонтовского типа» [9, с. 33].

Вячеслав Иванов с его оценкой творчества Лермонтова, по мнению В. М. Марковича, занимает особое положение в истории русской критики и литературоведения. С этим суждением трудно не согласиться. Вместе с тем, отметив уникальность позиции теоретика младосимволизма, В. М. Маркович ограничился анализом статьи «Лермонтов» (1947). Целью настоящей статьи является уяснение основных особенностей концепции творчества М. Ю. Лермонтова в статье В. И. Иванова «Байронизм как событие в жизни русского духа», опубликованной в 1916 году в № 5 «Русской мысли» и вошедшей в книгу «Родное и вселенское» (1917). С этой целью в статье ставится задача анализа идей В. И. Иванова в контексте целого ряда религиозно-философских и публицистических выступлений периода Первой мировой войны: «Достоевский и романтрагедия» (1914), «Россия, Англия и Азия» (1915), «Живое предание» (1915), «Легион и соборность» (1916), «Старая и новая вера» (1916), «Два лада русской души» (1916), идеи которых подытожены в работе «О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности» (1919).

Обычно статья В. И. Иванова «Байронизм как событие в жизни русского духа» используется учеными только в качестве комментария к более поздней работе «Лермонтов», которая «варьирует и развивает многие мотивы, намеченные еще в статьях В. И. Иванова 1910-х гг.» [8, с. 1067]. Речь идет о славянском ответе на воплощенное в творчестве Байрона «откровение о личности» и ее праве на «свободное самоопределение» [3, с. 269]. Вместе с тем, как будет показано далее, смысл эпизодического высказывания русского символиста представляется более широким, глубоким, заслуживающим более пристального внимания.

Работа В. И. Иванова «О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности» позволяет сказать, что В. И. Иванов обладал своей концепцией кризиса современной культуры. В этом сочинении отчетливо артикулируются антропологический кризис, его существо, формы и последствия.